

Вестн. Ом. ун-та. 2015. № 2. С. 215–222.

Рецензия на кн.:
Колесов В.В., Колесова Д.В.,
Харитонов А.А. Словарь
русской ментальности:
в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.
Т. 1. 592 с.; Т. 2. 592 с.

Вышел в свет уникальный словарь – двадцатипятилетний труд коллектива авторов петербургской филологической школы. Замысел словаря, его теоретическое обоснование находим в многочисленных работах выдающегося современного филолога, историка языка, философа русского слова профессора Санкт-Петербургского университета Владимира Викторовича Колесова. Об истории создания словаря в предисловии рассказывает сам В.В. Колесов (с. 3–4).

Впервые в отечественном языкознании представлены *русские концепты* в лексикографической интерпретации. Перед нами, действительно, словарь русской ментальности, который от других «идеологических» (в классификации Л.В. Щербы) и современных идеографических словарей отличается тем, что в нём репрезентированы «интроспективные характеристики русского слова, идущие от обобщённо русской рефлексии о *коренном* русском слове литературного (по преимуществу) русского языка» (с. 3). Исполнение словаря такого масштаба потребовало от авторов не только всесторонних энциклопедических знаний и творческого отношения, но и тонкого языкового чутья, интуиции, чувства меры и вкуса.

Без тщательной проработки введения читатель, исследователь не сможет получить новую информацию, которую хотят донести авторы, как, впрочем, и новые знания, которые несёт новый словарь. Представление «о концептуме» (В.В. Колесов) как основной единице ментальности даётся в словаре необычным образом. По замыслу авторов, читатель сам должен своей волей «воссоздать» его «синтетически в прямой перспективе – возвращением к концептуму на осно-

ве представленных в словаре материалов» (с. 5). И результат прочтения, безусловно, окажется разным у разных лиц, что признают и авторы словаря.

Представление национальных концептов в словарной статье строится определённым образом: *заголовочное слово* подаётся с основной дефиницией (БЕГОТНЯ – непрерывный **бег** в разных направлениях, усиленный невообразимым **шумом** и смешением многих **лиц**), в которой разным шрифтом манифестируется информация, и её надо дополнить прочтением других статей словаря. Интуиция, тонкое языковое чутьё авторов особо проявляются при описании концептов, репрезентированных и названных этимологически родственными словами (например, ЗВОН и ЗВУК, т. 1, с. 303; ЗЛО, ЗЛОБА, ЗЛОДЕЙСТВО, т. 1, с. 310–312 и т. п.). Как правило, словарная статья превращается в обширное, глубокое и всестороннее исследование культурно значимого концепта (см., например, статьи ЛИЧНОСТЬ, т. 1, с. 411–415; ЛЮБОВЬ, т. 1, с. 421–424; ПОНЯТИЕ, т. 2, с. 57–60; ПОШЛОСТЬ, т. 2, с. 79–81; ПРИЧИНА и ПРИЧИННОСТЬ, т. 2, с. 113–117; ПУШКИН, т. 2, с. 143–144, РУССКИЙ, т. 2, с. 192–193; РУССКИЙ СМЫСЛ, РУССКИЙ УМ, т. 2, с. 194 и др.). Осознаваемая в разной степени рядовым носителем языка, но трудно вербализуемая разница между ними выявлена и адекватно представлена в словаре.

Значительное место в словарной статье занимает историко-этимологический экскурс, который расположен после *основного определения*. При создании этой части статьи учитывались данные авторитетных этимологических и исторических словарей (входят в список источников словаря, т. 2), но во многих случаях эти сведения пересмыслились и заново осмыслились В.В. Колесовым. Историко-этимологические разыскания В.В. Колесова сами по себе ценны и вносят значительный вклад в историческую лексикологию и этимологию. «Считывание» этой информации представляет особый интерес для филологов, исследующих историю слов и развитие русских концептов, поскольку анализируемый словарь является словарём историческим, описывающим тысячелетнюю историю слов в их развитии. Важно подчеркнуть, что развитие это «продолжается и в наше время, и в тот момент», когда мы читаем этот словарь. Авторы призывают нас, читателей, «творить новое знание», именно в этом они видят цель словаря (с. 18).

Несколько слов хочется сказать о необычной структуре словарной статьи и о той

информации, которую мы (кроме дефиниции и этимолого-исторического экскурса) можем получить, углубившись в чтение – работу.

Значение заголовочного слова и смысл концепта возможно увидеть объёмно и цельно, обратившись к однокоренному (см. пример: **без**) и к словам-репрезентантам (**шум** и **лицо**). Полученные сведения необходимо соотнести с информацией основной словарной статьи. Такое прочтение, по мнению авторов, и даст представление о концептуме – «вертуальном феномене знания» (с. 5). Полагаем, что подобная «читательская работа» не каждому под силу, поэтому, думается, что словарь вряд ли может быть доступен широкому кругу читателей.

По замыслу, по глубине проработки материала, по «насыщенности» информацией, масштабности исполнения словарь предназначен и, безусловно, *необходим* и *полезен* прежде всего специалистам: лингвистам, философам, культурологам, историкам, психологам, конфликтологам и др. Как справедливо отмечают издатели, словарь может быть интересен широкому кругу читателей «неравнодушных к русскому слову и мысли». Но неподготовленному (профессионально) читателю, как кажется, будет очень сложно читать этот словарь, не многие дойдут до ЯТЯ. Впрочем, возможно, любопытного молодого читателя привлекут статьи на страницах 51–53, 201, 269, 371 (т. 1); 8, 75, 76, 303, 346, 446, 450, 455, 463, 493 и др. (т. 2), а пытливого – на страницах 40 (БЕСПРЕДЕЛ), 41 (БЕССМЕРТИЕ), 50 (БЛАЖЬ, БЛАТ), 68 (БУДТО БЫ), 231 (ДУМА), 249 (Ё), 270 (ЖОХ), 281 (ЗАДНИЙ УМ), 324 (И), (ИВАН-ДУРАК); 351 (ИШЫ!), 354 (КАК БЫ, КАК-ТО ТАК), 394 (КУКИШ), 400 (ЛЕВЫЙ) и др. в т. 1; 42 (ПОЖАЛУЙСТА), 56 (ПОНЕЖЕ), 254–256 (СЛАВЯНОФИЛЬСТВО), 278 (ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ), 291 (СОВОК), 509 (ЩА) 529 (ЯТЬ) и др. в т. 2.

Специфика любого словаря во многом определяется самим материалом, подлежащим лексикографированию. Словник рецензируемого издания составляет около 3000 статей. Иллюстративные примеры к словарным статьям демонстрируют тот исследовательский потенциал, который обнаруживаем в ёмких дефинициях словарных статей. Новизна и оригинальность анализируемого издания проявляются в отборе иллюстративного материала. Поскольку словарь ментальности – словарь исторический, который «фиксирует состоявшиеся в общественном сознании ментальные линии смысла» (с. 9), то релевантны «две исторические точки: время создания современного литературного языка на основе народной ментальности и момент современного осмысления результатов, полученных в процессе развития ментальности» (с. 9). Этим

объясняется и привлечение иллюстраций, расположенных после историко-этимологического комментария. Иллюстративные примеры представлены текстами русских классиков XIX в., начиная с А.С. Пушкина (цитаты даны по «Словарю языка Пушкина» под ред. И.С. Ильинской и В.Н. Сидорова (М., 1956–1960)), «впервые отчётливо представляющего русскую ментальность» (с. 9). Помимо этого, демонстрационный материал извлекался из произведений русских филологов и писателей первой половины XX в. (обширный список источников – в т. 2, с. 555–577). Современное состояние концепта манифестируется сквозь призму современных литературных, диалектных (примеры даны по многотомному «Словарю русских народных говоров» под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова, «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля) или арготических репрезентантов («Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (СПб., 2000); «Словарь русского арго» В.С. Елистратова (М., 2000), «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона» Д.С. Балдаева, В.К. Белко и И.М. Исупова (М., 1992); «Словарь русского сленга» И. и Ю. Югановых (М., 1997)). Понятие *совр.* даёт представление о современном значении слова в современном литературном языке или разговорной речи горожан. Для верификации последнего использовались толковые словари, прежде всего «Современный толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецовой (СПб., 2001), «Словарь современного города» под ред. Б.И. Осипова (М., 2003) и «Большой словарь русской разговорной речи» В.В. Химики (СПб., 2004). Следует отметить, что количество цитат при каждом слове указывает на относительную *активность употребления слова* в современной речи, однако «при отсутствии или редкости современных текстов составители использовали цитаты из старых авторов, углубляясь до XVII в.» (с. 11).

Все тексты выделены в три группы. В самих толкованиях даны устойчивые обороты и пословицы, хранящие древние «следы» концепта и помогающие его раскрытию. При определении понятий и символов приводятся цитаты из произведений философов, при толковании символов (а их в словаре обнаруживаем в большом количестве: ВЕСНА, ЛЕТО, ДОМ, БАБА-ЯГА и т. п.) и образов – поэтов и писателей (Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой, Тютчев, Некрасов). Тексты эти наиболее точно выражают содержательные формы концепта (образ, понятие и символ), поскольку XIX в. – это «время окончательного сложения концептуальной основы современной русской ментальности» (с. 12). Для сравнения русского понимания общего для разных народов концепта иногда приводятся тексты запад-

ных авторов (философов прежде всего), что, с одной стороны, выявляет национальную специфику русского мировосприятия и мироотражения, а с другой – «подтверждает глубинное родство ментальных рядов у европейских христиан, поскольку древнейшие словесные «образы» (корни) у них были общими» (с. 13).

Новизна и значимость словаря обнаруживаются в той части иллюстративного поля словарной статьи, где для верификации данных приводятся выдержки из лингвистических исследований как современных учёных, так и учёных прошлого (Бахтин, Сковорода, Потебня, Даль и др.), которые передают авторское понимание концепта. Поскольку авторы словаря анонсировали стремление избегать субъективизма в представлении концептов, то привлечение мнения авторитетных учёных-филологов, философов и зарубежных авторов в значительной степени способствует этому.

Самоценность имеют «дополнительные замечания» авторов о развитии концептов, когда «собранных материалов оказалось недостаточно для окончательных выводов» (с. 13). Во многих случаях «дополнительные замечания» в значительной степени помогают читателю воссоздать концепт и приблизиться к «идеальному читателю» этого нового лексикографического труда.

Поскольку перед нами словарь русской ментальности, то совершенно оправданы статьи, касающиеся всего *русского*: РУССКАЯ ДУША, РУССКАЯ ЖЕНЩИНА, РУССКАЯ ИДЕЯ, РУССКИЙ, РУССКИЙ БОГ, РУССКИЙ ДУРАК, РУССКИЙ ДУХ, РУССКИЙ НАРОД, РУССКИЙ НОВЫЙ, РУССКИЙ СМЫСЛ, РУССКИЙ УМ, РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК, РУССКИЙ ХАРАКТЕР, РУССКИЙ ЯЗЫК, РУССКОСТЬ, РУСЬ (т. 2, с. 189–198) с отсылками к статьям ДУША, ЖЕНЩИНА, ДУРАК, ДУХ, НАРОД, НОВЫЙ, СМЫСЛ, УМ, ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК. Последнее показывает, с одной стороны, общее с другими этносами в понимании означенных концептов, с другой – выявляет их национальную специфичность. Несмотря на чёткое определение теоретических позиций авторского коллектива, практически не всегда можно объяснить появление словарных статей, названных устаревшими словами и формами (на что указывают и сами авторы) – ПОНЕЖЕ, ПРЯ, ИЗЛЮБИТЬ, СОВАЛЧЕНИЕ, СТЕРВО; диалектными словами (ШИБКО, ТОРОВАТОСТЬ), вряд ли известными современному рядовому читателю, и нелитературными лексемами (КУРВА). Почему среди слов-символов есть КОШКА, но нет КОТА?

Представляется, что в целом механизм отбора анализируемых концептов, слов-репрезентантов, иллюстративного материала, структура словаря обоснованы авторами в предисловии и введении, где подчёркива-

ется назначение словаря – показать длительный процесс сложения русской ментальности. Считаю необходимым обратить внимание и на то, что не только словарные статьи отражают теоретические взгляды авторов, но и введение и, конечно же, послесловие (т. 2, с. 527–552), в котором в сжатой форме В.В. Колесов излагает основные принципы нового направления в филологии – концептологии – и свой особый подход к анализу концептов. Последнее позволяет нам утверждать, что это не просто словарь для «широкого круга читателей», а уникальный научный труд для читателя-исследователя.

Невозможно не сказать о прекрасном издательском и полиграфическом исполнении словаря: роскошное оформление, удобный алфавит справа на каждой странице, словоуказатель в конце 2-го тома – всё это помогает работать с текстом и во многом упрощает читательский труд.

Б.И. Осипов, М.А. Харламова

Размышления об учебно-методическом комплексе М.Б. Попова «Фонетика современного русского языка» (СПб., 2014)

Аббревиатура УМК – учебно-методический комплекс – вызывает у преподавателей вузов справедливое раздражение. Затея с УМК появилась в 1980-х гг. и предусматривала заранее составленный план занятий по предмету со всеми деталями, вплоть до перечня упражнений, выполняемых на каждом практическом занятии и задаваемых на дом. Между тем искусство педагога, конечно же, в том и состоит, что он выбирает, какие упражнения предлагать студентам, какие нет, по ходу дела – в зависимости от степени подготовки группы, заинтересованности студентов и т. д. Иначе говоря, УМК в этом виде были совершенно антипедагогической затеей. В годы перестройки, когда Министерство высшего и среднего специального образования СССР возглавлял знавший вузовскую работу Г.А. Ягодин, УМК не то чтобы были отменены, но как-то умерли своей смертью. Однако с 2000-х гг., когда в работе министерства восторжествовала тотальная рутина, УМК были воскрешены из мёртвых, причём в худшем виде. Теперь учебно-методическому комплексу стал предпосылаться перечень подлежащих выработке компетенций, причём извлечённый из списка, спущенного свыше. Каким высокомерием по отношению к преподавателю должен обладать предъявивший это требование чиновник, чтобы думать, будто без него преподаватель не знает, чему учит! А